

16-го апрѣля, въ бенефисъ артиста Садовскаго, были поставлены въ первый разъ драматическія картины, сюжетъ которыхъ взятъ М. Л. Кропивницкимъ изъ поэмы Т. Г. Шевченка „Невольникъ“. Всякое новое произведеніе, поставленное на сцену, возбуждаетъ нѣкоторый интересъ; отъ успѣха или неуспѣха такого произведенія при первомъ его представленіи зависитъ дальнѣйшая его судьба: пьеса или проваливается окончательно, или заинтересовываетъ публику и тогда дается еще нѣсколько, а иногда и много разъ. Особенно важно отмѣчать появленіе новыхъ произведеній на малорусскомъ языкѣ: каждою новою и сколько-нибудь удовлетворительною пьесою на этомъ языкѣ слѣдуетъ дорожить, такъ какъ она оживляетъ небогатый и, нужно признаться, довольно-таки однообразный малорусскій репертуаръ.

Пьеса, о которой идетъ рѣчь, историческаго характера; она относится къ временамъ существованія вольнаго казачества, „запорожской січи“. Въ ней выведены старый запорожскій казакъ, его пріемный сынъ „годованецъ“ — Степанъ. Драматическій узелъ состоитъ въ

томъ, что старый Коваль открываетъ своему сыну, что онъ ему не сынъ, а приемышъ и отправляетъ его въ сѣчь, чтобы стать настоящимъ казакомъ. А между тѣмъ, дочь Ковалья—Ярина (Орина) и его приемный сынъ сильно симпатизируютъ одинъ другому. На симпатію эту слѣдуетъ смотрѣть, какъ на любовь между братомъ и сестрой. Однако, когда они узнали, что они по крови чужіе, эта симпатія, какъ-то сразу и неестественно, переходитъ въ другія чувства. Ярина въ страшномъ горѣ и тоскѣ выправляетъ своего возлюбленнаго въ дорогу. Третій актъ представляетъ намъ запорожскій станъ, а четвертый—турецкую тюрьму, куда попали оставшіеся въ живыхъ запорожцы послѣ неудачнаго плаванія по Черному морю, когда буря прибила ихъ къ Синопу. Изъ неволи освобождаетъ запорожцевъ одинъ изъ ихъ товарищей по сѣчи, долгими усиліями пріобрѣтшій расположеніе турокъ и сдѣлавшійся однимъ изъ зрителей турецкой тюрьмы. Но несчастнаго героя поэмы, а въ данномъ случаѣ драмы, атамана Степана, турки поймали послѣ его побѣга и выжгли ему глаза, и вотъ въ пятомъ дѣйствіи онъ является уже бандуристомъ, случайно забредшимъ въ свой хуторъ. Здѣсь происходитъ встрѣча съ отцомъ и любимой „дівчиной“. Какъ можетъ замѣтить читатель, въ этихъ „картинахъ“ нечего искать цѣльности и единства драматическаго дѣйствія. На сценѣ проходитъ, одна за другою, рядъ „картинъ“, каждая сама по себѣ, интересныхъ, но неимѣющихъ необходимой драматической связи между собою. Выкиньте второй и третій акты и вложите въ уста бандуриста Степана въ пятомъ дѣйствіи повѣсть о его славѣ и позорѣ, о его атаманствѣ въ походѣ и невольничествѣ у турокъ,—и смыслъ пьесы отъ этого не потеряетъ. Такимъ приемомъ, дѣйствительно, и пользуется г. Кропивницкій, когда онъ въ уста то того, то другого изъ дѣйствующихъ лицъ влагаетъ рассказъ о прежде случившемся. Если бы онъ этого не дѣлалъ, вышло бы не пять картинъ; а гораздо больше. Поэма Шевченко „Невольникъ“ передаетъ бытовія стороны стариннаго запорожскаго житья-бытья и, ужъ конечно, такая вещь не годится для сцены. Но за всѣмъ тѣмъ слѣдуетъ, однако, сказать, что въ появленію на свѣтъ божій и постановкѣ такихъ пьесъ едва ли слѣдуетъ относиться съ порицаніемъ; воспроизведеніе въ драмѣ или хотя бы даже въ отдѣльных картинахъ не столь отдаленной, но мало знакомой старины—дѣло весьма хорошее. Дѣйствительно, разъ эти воспроизведенія вѣрны исторической правдѣ, а сцены „Невольникъ“ въ большой степени удовлетворяютъ этому требованію, что можетъ лучше и успѣшнѣе дѣйствовать на массу, въ смыслѣ ея историческаго развитія и пониманія, какъ живая иллюстрація на сценѣ жизни и типовъ, давно прошедшихъ?

На исполненіи не буду долго останавливаться. Кропивницкій, какъ всегда, былъ неподобенъ. Можно сказать, что талантъ этого артиста часто скрашиваетъ и дѣлаетъ незамѣтными недостатки самой пьесы. Нужну удивляться разнообразному амплуа г. Кропивницкаго. Пьянаго мужика и „божевільнаго Стецька“ онъ такъ же хорошо исполняетъ, какъ, напр., атамана разбойниковъ въ „Гаркушѣ“, или стараго запорожскаго казака въ разбираемой пьесѣ. Бенефициантъ былъ также хорошъ и на этотъ разъ раздѣлилъ лавры съ г. Кропивницкимъ. Г. Садовскому съ успѣхомъ удастся передать ту задушевность, которой требуетъ большая часть его ролей. Относительно другихъ артистовъ, какъ, напр., г-жи Жарковой, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ они играли весьма порядочно, и такъ ужъ, можетъ быть, дѣйствуетъ присутствіе большого таланта, что сильно патетическія мѣста прощанья и потомъ встрѣчи со слѣпымъ уже Степаномъ прошли очень хорошо и гармонія дѣйствія не была нарушена, не смотря на большую неравность талантовъ г. Кропивницкаго и г-жи Жарковой, роли которыхъ въ сказанныхъ патетическихъ мѣстахъ очень близки одна съ другой.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы пьеса „Невольникъ“ поставлена была еще разъ на здѣшней сценѣ.

Н. С.—ій.